Расстрел бывшего императора Николая II и его семьи (1918 г.): историко-правовые аспекты

СЕРОВ Дмитрий Олегович, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Новосибирского государственного университета экономики и управления, доктор исторических наук

630099, Россия, г. Новосибирск, ул. Каменская, 56

E-mail: serov1313@mail.ru

ФЕДОРОВ Александр Вячеславович, ведущий научный сотрудник отдела уголовного и уголовно-процессуального законодательства; судоустройства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

117218, Россия, г. Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, 34

E-mail: 1956af@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы, связанные с правовой оценкой расстрела в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. в г. Екатеринбурге бывшего российского императора Николая II, членов его семьи и находившихся при них лиц. Этому событию посвящена обширная мемуарная, публицистическая и историческая литература, однако с правовой (формально-юридической) стороны гибель императорской семьи до настоящего времени не рассматривалась. Авторами проанализированы вопросы о правовом статусе Николая II до и после отречения от престола, об особенностях правовой системы Советской России в 1918 г. Проведенный анализ показывает, что после отречения по законодательству Временного правительства, а затем, после Октябрьской революции 1917 г. на территории, находившейся под властью Советов, ни бывший император, ни члены его семьи не являлись лицами особого правового статуса, предполагающего специальный порядок привлечения их к уголовной ответственности; не обладали каким-либо особым правовым иммунитетом или какими-либо правовыми привилегиями; находились под арестом в ожидании суда и были расстреляны на основании квазисудебных решений органов советской власти. В статье показана правовая детерминированность казни бывшего императора и его семьи в сложившихся исторических условиях, когда Николай II и его ближайшие родственники попали в число сотен тысяч русских людей, которые стали жертвами красного и белого террора, порожденного революциями 1917 г. и братоубийственной Гражданской войной.

Ключевые слова: правовой статус российского императора, Временное правительство, Гражданская война, революционное правосознание, смертная казнь, Николай II.

Execution of the Former Russian Emperor Nicholas II and His Family (1918): Historical and Legal Aspects

D. O. SEROV, head of the Department of theory and history of state and law of the Novosibirsk State University of Economics and Management, doctor of historical sciences

56, Kamenskaya st., Novosibirsk, Russia, 630099

E-mail: serov1313@mail.ru

A. V. FEDOROV, leading research fellow of the Department of criminal and criminal procedure legislation; judicial systems of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, candidate of legal sciences, professor, honored lawyer of the Russian Federation

34, Bolshaya Cheremushkinskaya st., Moscow, Russia, 117218

E-mail: 1956af@mail.ru

The article is devoted to the issues related to the legal assessment of the execution on the night of July 16, 1918 in Ekaterinburg of the former Russian Emperor Nicholas II, his family members and persons who were with them. Vast memorial, publicistic and historical literature is devoted to this event, but the legal side of the death of the Romanov family was not considered up to the present moment.

The article analyzes the issues of the legal status of Nicholas II before and after the abdication of the throne, the features of the legal system of Soviet Russia in 1918. The analysis shows that after the abdication under the legislation of the Temporary Government and then, after the October Revolution of 1917 in the territory under the authority of the Soviets, neither the former Emperor nor his family members were persons of special legal status, involving a special procedure for bringing them to criminal responsibility; did not have any special legal immunity or any legal privileges; were under arrest in expectation of trial and were shot on the basis of quasi-judicial decisions of the Soviet authorities. The article shows the legal predestination of the execution of the former Emperor and his family in the current historical conditions, when Nicholas II and his closest relatives were among the hundreds of thousands of Russian people who were victims of the "Red" and "White" terror generated by the revolutions of 1917 and the fratricidal Russian Civil War.

Keywords: legal status of Russian Emperor, Russian Temporary Government, Russian Civil War, revolutionary legal consciousness, death-penalty, Emperor Nicholas II.

DOI: 10.12737/art_2018_10_2

В череде вековых дат разнообразно значимых событий в истории государства и права России, которых немало пришлось на 2018 г., особое место принадлежит годовщине расстрела бывшего императора Николая II и его семьи в Екатеринбурге в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. Этому событию посвящена обширная литература: мемуарная, публицистическая, историческая¹. Однако с правовой (формально-юридической) стороны гибель императорской семьи поныне не анализировалась, и этот пробел нуждается в восполнении.

В первую очередь представляется необходимым рассмотреть вопрос о правовом статусе, которым обладали бывший император и члены его семьи до Февральской революции 1917 г., в период правления Временного правительства, после Октябрьской революции 1917 г. на территории, контролируемой советской властью, а также с позиции белогвардейского правительства А. В. Колчака, проводившего расследование по факту расстрела Николая II и находившихся с ним лиц.

К моменту Февральской революции правовой статус российского императора регулировался прежде

всего Законом от 5 апреля 1797 г. «Учреждение об императорской фамилии»² и главой «О существе верховной самодержавной власти» Основных государственных законов, высочайше утвержденных 23 апреля 1906 г.³ Ключевое установление названной главы, закрепленное в ст. 5, гласило: «Особа государя императора священна и неприкосновенна».

Приведенное установление подкреплялось мерами повышенной уголовно-правовой защиты монарха и его семьи. Согласно ст. 99 Уголовного уложения 1903 г. за посягательство на «жизнь, здоровье, свободу или вообще на неприкосновенность» императора, императрицы и наследника престола определялась единственная санкция — смертная казнь⁴.

Как представляется, особой правовой формой повышенной защиты российского императора (а равно и наследника престола) являлась также имперская воинская присяга. Повышенная защита императора и наследника закреплялась

² См.: Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб., 1830. Т. 24. № 17906. С. 525—569.

³ См.: Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. СПб., 1909. Т. 26. Отд. 1. № 27805. С. 456—461.

⁴ См.: Уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб., 1903. С. 21.

¹ Наиболее развернутое обозрение литературы по теме (опубликованной до 2007 г.) см.: Лыкова Л. А. Следствие об убийстве российской императорской семьи. Историографический и археографический очерк. М., 2007. С. 9—62.

внесенными в текст присяги обязательствами служить названным лицам «верно и нелицемерно... не щадя живота своего, до последней капли крови», а также «все к высокому его императорского величества самодержавству, силе и власти принадлежащие права и преимущества... по крайнему разумению, силе и возможности исполнять»⁵.

Вся совокупность норм, регулировавших правовой статус императора и представителей императорского дома, утратила силу в начале марта 1917 г. в связи с ликвидацией монархической формы правления. Впоследствии ни Временное правительство, ни какие-либо органы советской власти не издавали нормативных актов, в которых определялся бы новый статус бывшего императора и его родственников.

Единственное установление, непосредственно касавшееся статуса представителей низложенной династии, оказалось внесено в ст. 10 Положения о выборах в Учредительное собрание, утвержденное постановлением Временного правительства от 20 июля 1917 г., которой устанавливалось, что «члены царствовавшего в России дома не могут ни избирать, ни быть избранными в Учредительное собрание»⁶. В несколько измененной формулировке приведенная норма была затем воспроизведена в п. «д» ст. 65 Конституции РСФСР, принятой V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г., по которому «члены царствовавшего в России дома» лишались права избирать и быть избранными в Советы⁷.

⁵ Свод военных постановлений 1869 года. 2-е изд. СПб., 1907. Кн. 6. Приложения. С. 54 (форма присяги лиц христианских исповеданий).

⁶ Сборник указов и постановлений Временного правительства. Пг., 1918. Вып. 2. Ч. 1. С. 33.

⁷ См.: Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. М., 1918. С. 24.

До Февральской революции 1917 г. в законодательстве Российской империи оставался неурегулированным вопрос о порядке привлечения императора и его родственников к уголовной ответственности. По всей очевидности, исходя из приведенной выше нормы из ст. 5 Основных государственных законов 1906 г., возбуждение в отношении монарха уголовного преследования исключалось.

Временным правительством вопрос о необходимости правового регулирования порядка привлечения к уголовной ответственности бывшего императора не рассматривался. При этом Указом Временного правительства была учреждена Верховная (Чрезвычайная) следственная комиссия (ЧСК) для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и других высших должностных лиц.

Как справедливо отмечается в имеющихся исследованиях, перед ЧСК стояла задача «узаконить» Временное правительство, уличив царское правительство (следовательно, и бывшего императора) в «беззакониях»⁸. Такое решение соответствовало сложившимся в широких слоях общества настроениям. В частности, требование арестовать бывшего царя, заключить его в Петропавловскую крепость, назначить ему самый строгий суд и конфисковать имущество содержалось в многочисленных телеграммах крестьянских съездов и собраний делегатов, направляемых в Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов и в копии — Временному правительству⁹.

⁸ См.: Варфоломеев Ю. В. «Между накопальной закона и молотом истории»: учреждение Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства // Известия Саратовского университета. 2007. Т. 7. Серия: История. Международные отношения. Вып. 1. С. 58—66.

⁹ См.: ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 53. Д. 20. Л. 1—4, 15.

В числе прочего ЧСК расследовала публично высказанные подозрения о «царской измене» и шпионаже (последние в отношении супруги императора — Александры Федоровны и его матери — вдовствующей императрицы Марии Федоровны). Слухи о царской измене оказались досужими домыслами¹⁰, но в ходе расследования было выявлено много противозаконных деяний (с позиции действовавшего на момент их совершения законодательства), осуществлявшихся высшими и иными должностными лицами органов власти во исполнение воли императора, что не исключало в последующем вопрос о привлечении Николая II к уголовной ответственности, однако с падением Временного правительства следствие было прекращено.

В период правления Временного правительства Николай II и члены его семьи находились под арестом, были в положении заключенных, содержащихся под охраной, чье общение с внешним миром было ограничено и тщательно контролировалось. Так, согласно постановлению Совета Министров от 7 марта 1917 г. «отреченные» император Николай II и его супруга признавались лишенными свободы¹¹. Под арестом они находились в Царском Селе, затем, с августа 1917 г., — в Тобольске.

После падения Временного правительства в результате Октябрьской революции 1917 г. и до последних дней Николай II и члены его семьи находились в зоне действия «советской юрисдикции». При этом вновь стал вопрос о привлечении Николая II к уголовной ответственности.

¹⁰ См.: Варфоломеев Ю. В. Слухи о царской измене в контексте «политической порнографии» России накануне Февральской революции // Известия Саратовского университета. 2010. Т. 10. Серия: История. Международные отношения. Вып. 2. С. 73—78.

¹¹ См.: ГА РФ. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 1. Ч. 1. Л. 15, 24 об.; Сборник указов и постановлений Временного правительства. Пг., 1917. Вып. 1. С. 366.

Уже на заседании Совнаркома 29 января 1918 г. рассматривался вопрос «О переводе Николая Романова в Петроград для предания суду»¹². 20 февраля 1918 г. на заседании Совнаркома было принято решение «поручить Комиссариату юстиции и двум представителям Крестьянского съезда подготовить следственный материал по делу Николая Романова. Вопрос о переводе Николая Романова отложить до пересмотра этого вопроса в Совете Народных Комиссаров. Место суда не предусматривать пока»¹³. В ходе подготовки к суду Николай II и члены его семьи были переведены из Тобольска в Екатеринбург, где содержались под стражей в Доме особого назначения в статусе арестованных¹⁴ и заключенных¹⁵.

Вопрос о правовом регулировании готовившегося процесса над царской семьей (подготовка следственного материала и суда) требует отдельного рассмотрения.

Необходимо иметь в виду, что к середине 1918 г. на территории бывшей Российской империи параллельно сосуществовали несколько правовых систем и несколько систем законодательства. Данное обстоятельство было порождено как процессами дезинтеграции государ-

¹² ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 1. Л. 85, 89.

¹³ Там же. Л. 135.

¹⁴ Арестованными они именуются в ряде официальных документов советской власти. Так, в протоколе № 25 заседания Президиума ВЦИК (п. 15) от 25 мая 1918 г. указано, что «члены бывшей царской семьи Ольга, Татьяна, Анастасия и Алексей перевезены из Тобольска в Екатеринбург и помещены вместе с другими арестованными». ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 34. Д. 36. Л. 151, 153.

¹⁵ Статус заключенных следует из относящихся к маю 1918 г. документов, регламентирующих деятельность по их содержанию, в том числе из инструкции «Обращение с заключенными» (ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 34. Л. 3 об.) и инструкция «Пропуск к заключенным посторонних лиц» (ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 34. Л. 4.).

ства, так и начавшейся Гражданской войной.

Если на территориях, которые начинали контролировать антибольшевистские правительства, по большей части восстанавливалось действие прежнего имперского законодательства (а отчасти и законодательства Временного правительства)¹⁶, то на территории, оставшейся под властью Советов, ситуация была принципиально иной¹⁷. Как хрестоматийно известно, руководство Советской России исходило из постулата кардинального отрицания «буржуазного права», аннулирования всей дореволюционной системы законодательства¹⁸.

Поскольку система «пролетарского» законодательства не могла сложиться за считанные месяцы, в начальный период становления советской государственности важнейшим источником права стала «революционная совесть» (или «революционное правосознание»)¹⁹. В официальный обиход эти термины были введены ст. 5 Декрета Совета Народных Комиссаров от 24 ноября 1917 г. «О суде»²⁰. Именно в эту статью ока-

залось включено установление, что основанием для вынесения судебных решений могут служить «законы свергнутых правительств», если таковые «не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию». Не прошло и месяца, как в ст. 2 Инструкции революционному трибуналу от 19 декабря 1917 г. была внесена еще более категоричная формулировка: «Меру наказания революционный трибунал устанавливает, руководствуясь обстоятельствами дела и велениями революционной совести»²¹. Поскольку бывший император и его семья находились на территории, подконтрольной советскому правительству, то легальным основанием для решения их участи являлись не соответствующие нормы материального права, а «веления революционной совести» уполномоченных должностных лиц.

Какие же санкции уголовно-правового характера могли быть назначены в рамках реализации «велений» «революционной совести» в условиях июля 1918 г.? Как известно, каких-либо ограничений в применении репрессивных мер в описываемый период в Советской России не существовало. Уполномоченные должностные лица (прежде всего члены революционных трибуналов и руководящий состав Всероссийской чрезвычайной комиссии и ее территориальных органов, а иногда — и сами Советы) могли тогда использовать весь набор уголовных наказаний вплоть до смертной казни²².

В связи с этим уместно привести следующий пример. На V Всероссийском съезде Советов рабочих, крестьянских, солдатских и ка-

ства (далее — СУ РСФСР). 1917. № 4. Ст. 50.

²¹ СУ РСФСР. 1917. № 12. Ст. 170.

²² См., в частности: Литвин А. Л. Красный и белый террор в России. 1918—1922 гг. М., 2004. С. 55—67; Ратьковский С. И. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. СПб., 2006. С. 35—62, 78—90.

¹⁶ См.: Звягин С. П. Правоохранительная политика А. В. Колчака. Кемерово, 2001. С. 58—59, 71; Емцов Г. Н. Государство и право в период Гражданской войны: монография. Красноярск, 2006. С. 99—100.

¹⁷ Об этом применительно к следствию и суду см.: Серов Д. О., Федоров А. В. Очерки истории российских следственных органов: науч. издание. М., 2015. С. 193—205.

¹⁸ См., в частности: Рыбаков В. А. Преемственность в развитии права (теоретико-исторический аспект): монография. Омск, 2007. С. 213—216, 224—229.

¹⁹ Подробнее см.: Буков В. А. От российского суда присяжных к пролетарскому правосудию: у истоков тоталитаризма. М., 1997. С. 300—324; Новицкая Т. Е. Источники права в первые годы советской власти // Источники российского права: вопросы теории и истории / отв. ред. М. Н. Марченко. М., 2005. С. 36—47.

²⁰ См.: Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правитель-

зачьих депутатов, проходившем в Москве 4—10 июля 1918 г. (на том самом, на котором была принята первая российская Конституция), возникла дискуссия о приемлемости применения смертной казни. Официальную точку зрения по этому поводу высказал Председатель Президиума Всероссийского центрального исполнительного комитета Я. М. Свердлов.

Выступая на заседании 5 июля 1918 г., Яков Свердлов, в частности, отметил: «Если говорить сколько-нибудь серьезно о тех мероприятиях, к которым нам приходится прибегать в настоящее время, о том, к чему мы имеем намерение призвать все Советы... — мы можем указать отнюдь не на ослабление террора по отношению ко всем врагам Советской власти, ...но, наоборот, к самому резкому усилению массового террора против врагов Советской власти. И мы были глубоко уверены в том, что самые широкие круги трудовой России, самые широкие круги рабочих и крестьян отнесутся с полным одобрением к таким мероприятиям, как отрубание головы, как расстрел контрреволюционных генералов и других контрреволюционеров»²³.

И хотя V Всероссийский съезд Советов не принял никакого решения о проведении «массового террора против врагов Советской власти» (известное постановление СНК «О красном терроре» было издано лишь 5 сентября 1918 г.²⁴, ровно через два месяца после цитированного выступления Я. М. Свердлова), тогдашняя общая настроенность высших должностных лиц Советской России на широкое применение смертной казни в отношении политических противников была очевидной.

²³ Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов: стенографический отчет. М., 1918. С. 49—50.

²⁴ См.: СУ РСФСР. 1918. № 65. Ст. 710.

Если в большевистском руководстве в 1918 г. и возникали разногласия касательно смертной казни, то они касались лишь вопроса о круге органов власти, уполномоченных ее применять. Известен конфликт (межведомственный по существу), разгоревшийся в то время по поводу расстрелов, между революционными трибуналами и ВЧК. Наиболее последовательным противником сохранения за ВЧК права карать «контрреволюционеров» смертной казнью (что наносило очевидный ущерб соответствующим полномочиям трибуналов) выступил Председатель Центральной обвинительной коллегии при ВЦИК Н. В. Крыленко. Как было им отмечено, уже в первый год существования ВЧК «кроме права арестов присвоила себе право безапелляционного решения вопросов жизни и смерти, причем эти самые решения выносились “тройками” или “пятерками”... без каких бы то ни было норм, определяющих как подсудность, так и метод рассмотрения дел»²⁵.

Учитывая, что бывший император и его семья относились, с точки зрения советских государственных и партийных деятелей, бесспорно к числу «контрреволюционеров», их дальнейшая участь была предрешена. Причем безотносительно того, кто именно принимал окончательное решение по этому поводу: первые лица партии и государства или же руководители Уральской области. Равным образом не имело ни-

²⁵ Крыленко Н. В. Судостроительство РСФСР (лекции по теории и истории судостроительства). М., 1923. С. 97. Цитированный фрагмент являлся, судя по всему, выдержкой из выступления Н. В. Крыленко на съезде председателей революционных трибуналов, проходившем в Москве 29 октября — 3 ноября 1918 г. О затяжном противостоянии Н. В. Крыленко и Ф. Э. Дзержинского по поводу внесудебных полномочий ВЧК подробнее см.: Сырых В. М. Н. В. Крыленко — идеолог советского правосудия. М., 2003. С. 33—49.

какого значения, по какой юридической процедуре определялась судьба Николая II и его ближайших родственников: в рамках административного усмотрения или же в рамках ревтрибунальского судопроизводства.

Хронологические рамки трагической судьбы «членов царствовавшего в России дома» определялись развитием событий, связанных с продвижением войск белого движения на запад. Угроза захвата ими Екатеринбурга требовала решения либо об эвакуации бывшего императора и членов его семьи из города²⁶, либо «решения вопроса на месте». Был избран второй вариант.

Уральский совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов (Уралоблсовет) после консультирования с Центром принял квазисудебное решение (по сути вынес приговор) о расстреле Николая II, «виновного в бесчисленных кровавых насилиях над русским народом». Президиум Уралоблсовета решением от 16 июля 1918 г. «ввиду приближения контрреволюционных банд к красной столице Урала Екатеринбургу и ввиду возможности того, что коронованному палачу удастся избежать народного суда (раскрыт заговор белогвардейцев с целью похищения бывшего царя и его семьи)... исполняя волю революции, постановил: в ночь с 16 на 17 июля приговор этот привести в исполнение...»²⁷.

В тот же день на заседании УралоблЧК было принято решение расстрелять царскую семью и их слуг²⁸.

²⁶ Романовы вполне могли быть вывезены с Урала. По свидетельству осведомленного современника, «эвакуация г. Екатеринбурга протекала так организованно и усиленно, как это редко наблюдалось при старой организованной царской армии. Всего было вывезено 900 вагонов с грузами». Цит. по: *Иоффе Г. З.* Революция и судьба Романовых. М., 1992. С. 304.

²⁷ *Лыкова Л. А.* Указ. соч. С. 65—66.

²⁸ Там же. С. 66.

Исполнение этих решений было поручено Я. М. Юровскому, коменданту дома Ипатьевых (Дома особого назначения), использовавшегося для содержания в изоляции Николая II и находившихся при нем членов семьи и других лиц. В ночь с 16 на 17 июля 1918 г. в подвальном помещении дома Ипатьевых расстреляны Николай II и находившиеся с ним лица, а именно: супруга — императрица Александра Федоровна, сын — цесаревич Алексей Николаевич, дочери — великие княжны Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия Николаевны, врач Е. С. Боткин, повар И. М. Харитонов, камердинер А. Е. Трупп и комнатная девушка А. С. Демидова.

Через сутки, в ночь с 17 на 18 июля по решению Алапаевского совета были расстреляны члены дома Романовых — великая княгиня Елизавета Федоровна, великий князь Сергей Михайлович, князья императорской крови Иоанн, Константин и Игорь Константиновичи, князь В. П. Палей и находившиеся при них лица: секретарь Ф. С. Ремез и монахиня Варвара Яковлева²⁹.

18 июля 1918 г. на заседании Президиума ВЦИК рассмотрено сообщение о расстреле Николая Романова и принято постановление «признать решение Уральского Областного Совета правильным»³⁰.

В тот же день на заседании Совнаркома РСФСР принято к сведению сообщение Я. М. Свердлова о казни бывшего царя Николая II «по приговору Екатеринбургского Совета» и об утверждении этого приговора Президиумом ВЦИК³¹.

²⁹ Подробнее об этом см.: Гибель членов Дома Романовых на Урале летом 1918 года. Материалы предварительного следствия судебного следователя по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколова: сб. док. М., 2017.

³⁰ ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 35. Д. 1. Л. 1, 4; ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 27. Л. 14.

³¹ См.: РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5543. Л. 1—2; ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 23. Д. 17. Л. 62—63.

19 июля в центральной печати — в газетах «Известия» и «Правда», а 22 июля в Екатеринбурге опубликовано сообщение о расстреле Николая II. Накануне публикации в Екатеринбурге о расстреле было сообщено на рабочем митинге в городском театре, по итогам которого была принята резолюция: «Казнь Николая Кровавого служит ответом и грозным предостережением буржуазно-монархической контрреволюции, пытающейся затопить в крови рабоче-крестьянскую революцию»³².

В опубликованном официальном сообщении «К расстрелу Николая Романова» говорилось: «В последнее время предполагалось предать бывшего царя суду за все его преступления против народа, и только события последнего времени помешали этому»³³.

Таким образом, августейшее семейство было обречено. Не вызывает ни малейших сомнений, что даже если бы бывший император и его семья остались в живых в июле 1918 г., они были бы непременно расстреляны в сентябре, после покушения на В. И. Ленина.

Николай II и члены его семьи не были нужны ни «белым», ни «красным». В то же время их расстрел политически был выгоден и тем, и другим. Для большевиков это, образно говоря, был «переход Рубикона», фиксация невозможности возврата к прошлому, для представителей белого движения — повод для обвинения советской власти в беззаконии и неоправданной жестокости, дающий основания для консолидации противников Советов. Именно последним объясняется то, что А. В. Колчаком были предприняты активные меры по организации расследова-

ния обстоятельств гибели императорской семьи³⁴.

25 июля 1918 г. Екатеринбург был взят белочехами и казачьими войсками, и уже спустя четыре дня — 29 июля начато предварительное расследование по делу об убийстве бывшего императора (получены показания о расстреле Николая II и находившихся при нем лиц). На следующий день — 30 июля 1918 г. исполняющим дела прокурора Екатеринбургского окружного суда Кутузовым на основании ст. 288 Устава уголовного судопроизводства³⁵ поручено судебному следователю по важнейшим делам А. П. Наметкину «приступить к производству предварительного следствия по делу убийства бывшего государя императора Николая II, по признакам преступления, предусмотренного 1453 ст. Улож[ения] о наказ[аниях]»³⁶.

Отметим, что расследование было начато не по включенной в гл. III «О бунте против верховной власти и о преступных действиях против священной особы Императора и членов его семьи» ст. 99 Уголовного уложения 1903 г., устанавливающей ответственность за посягательство на жизнь этих лиц, а по ст. 1453 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г., ч. 1 которой предусматривала наказание за убийство с обдуманном заранее намерением или умыслом, «когда убийство учинено... чрез выстрелы в толпу людей, хотя и для лишения

³² Быков П. М. Последние дни Романовых. Свердловск, 1926. С. 117.

³³ Известия Пермского губернского Исполнительного Комитета Советов рабочих, крестьянских и армейских депутатов от 26 июля 1918 г. № 145; ГА РФ. Ф. 1857. Оп. 1. Д. 59. Л. 1—2.

³⁴ Об этом см.: Дитерихс М. К. Убийство царской семьи и членов дома Романовых на Урале. Владивосток, 1922 Ч. 1—2; Соколов Н. А. Убийство царской семьи. Берлин, 1925.

³⁵ Статья 288 предусматривала, что судебный следователь проводит предварительное следствие в назначенном ему участке уезда или города (см.: Российское законодательство X—XX веков / под ред. Б. В. Вилленского. М., 1991. Т. 8. С. 149).

³⁶ Дело об убийстве императора Николая II, его семьи и лиц их окружения. М., 2015. Т. 1. С. 63.

жизни одного только человека, и вообще чрез такие действия, от коих подвергались гибели или опасности несколько лиц»³⁷. Иными словами, расследование начато по факту совершения не государственного, а общеуголовного преступления — убийства.

По-другому оценивать статус бывшего царя и квалифицировать его расстрел органы правительства Колчака не могли, ведь ими отрицалась, с одной стороны, законность советской власти и законность принимаемых этой властью решений, а с другой стороны — монархия и монархические привилегии.

Аналогично органами советской власти не признавались законными белогвардейское правительство, его акты и решения, а царская власть «Николая кровавого» считалась преступной по отношению к народу.

³⁷ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. СПб., 1886. С. 505.

Бывший император и находившиеся с ним лица были приговорены к смерти и расстреляны людьми, многие годы боровшимися с царской властью, низвергшими ее и строившими «новый мир» исходя из своего «революционного правосознания». Есть все основания полагать, что в их глазах расстрел царской семьи признавался своего рода подвигом, заслугой в деле победы революции и торжества «революционной» законности.

В заключение следует отметить, что Николай II и его ближайшие родственники попали в число многих сотен тысяч русских людей, которые стали жертвами красного и белого террора, порожденного революциями 1917 г. и братоубийственной Гражданской войной³⁸.

³⁸ Подробнее см.: Голуб П. А. Белый террор в России. 1918—1920. М., 2009; Сырых В. М. Красный террор: каноны библейские, да исполнение плебейское. М., 2018. С. 106—378.

Библиографический список

- Буков В. А. От российского суда присяжных к пролетарскому правосудию: у истоков тоталитаризма. М., 1997.
- Быков П. М. Последние дни Романовых. Свердловск, 1926.
- Варфоломеев Ю. В. «Между наковальней закона и молотом истории»: учреждение Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства // Известия Саратовского университета. 2007. Т. 7. Серия: История. Международные отношения. Вып. 1.
- Варфоломеев Ю. В. Слухи о царской измене в контексте «политической порнографии» России накануне Февральской революции // Известия Саратовского университета. 2010. Т. 10. Серия: История. Международные отношения. Вып. 2.
- Гибель членов Дома Романовых на Урале летом 1918 года. Материалы предварительного следствия судебного следователя по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколова: сб. док. М., 2017.
- Голуб П. А. Белый террор в России. 1918—1920. М., 2009.
- Дело об убийстве императора Николая II, его семьи и лиц их окружения. М., 2015. Т. 1.
- Дитерихс М. К. Убийство царской семьи и членов дома Романовых на Урале. Владивосток, 1922 Ч. 1—2.
- Емцов Г. Н. Государство и право в период Гражданской войны: монография. Красноярск, 2006.
- Звягин С. П. Правоохранительная политика А. В. Колчака. Кемерово, 2001.
- Иоффе Г. З. Революция и судьба Романовых. М., 1992.
- Крыленко Н. В. Судостроительство РСФСР (лекции по теории и истории судостроительства). М., 1923.
- Литвин А. Л. Красный и белый террор в России. 1918—1922 гг. М., 2004.
- Лыкова Л. А. Следствие об убийстве российской императорской семьи. Историографический и археографический очерк. М., 2007.
- Новицкая Т. Е. Источники права в первые годы советской власти // Источники российского права: вопросы теории и истории / отв. ред. М. Н. Марченко. М., 2005.

Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов: стенографический отчет. М., 1918.

Ратьковский С. И. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. СПб., 2006.

Российское законодательство X—XX веков / под ред. Б. В. Виленского. М., 1991. Т. 8.

Рыбаков В. А. Преемственность в развитии права (теоретико-исторический аспект): монография. Омск, 2007.

Серов Д. О., Федоров А. В. Очерки истории российских следственных органов: науч. издание. М., 2015.

Соколов Н. А. Убийство царской семьи. Берлин, 1925.

Сырых В. М. Красный террор: каноны библейские, да исполнение плебейское. М., 2018.

Сырых В. М. Н. В. Крыленко — идеолог советского правосудия. М., 2003.